

УДК 82

КНЯЗЬ ВЕРЕЙСКИЙ КАК РЕЧЕВОЙ ТИП (РОМАН А.С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»)

© 2011 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2011

Рассматривается образ князя Верейского, героя незаконченного романа А.С. Пушкина «Дубровский», в свете проблемы общения. Показано, в чём заключаются особенности его речевого поведения, какие черты личности высвечиваются через его манеру общения. Данный подход позволяет пересмотреть существующие интерпретации произведения.

Ключевые слова: Пушкин, «Дубровский», Верейский, диалог, речевое поведение, речевой тип.

Анализ речевого поведения литературного героя, его манеры общения, способа ведения диалога зачастую позволяет по-новому увидеть хрестоматийное произведение, пересмотреть существующие интерпретации. Так, например, к неожиданным выводам приводит исследование незаконченного романа А.С. Пушкина «Дубровский» в данном аспекте. Мы проследим речевое поведение лишь одного, на первый взгляд второстепенного героя – князя Верейского.

Верейский – носитель культуры салонного общения, навыки которого формировались у него, когда он жил в столице и за границей. Князь – интеллект, воспитанный в духе европейского просвещения, обладающий обширным жизненным и культурным кругозором.

Очевидно пристрастие Верейского к английской культуре. В определённом смысле он англоман, хотя увлечение английским у него не принимает таких утрированных форм, как, например, у Муромского, а сказывается прежде всего в эстетических пристрастиях. Господский дом в имении князя выстроен «во вкусе английских замков». Как и англичане, в парке он предпочитает «так называемую природу», поэтому в имении Верейского в соответствии с правилами английской дворцовой парковой культуры в природу органично вписаны произведения искусства: мраморная статуя, уединённая пещера, памятник с таинственной надписью. Ландшафт становится красивой театральной декорацией: «Перед домом расстился густозелёный луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон» [1, с. 209]. В свою очередь естественный, живой пейзаж подаётся как произведение искусства:

Волга показана как вид из окна, как облаченная в раму естественная картина («прелестный вид»).

Завершает впечатление английской усадьбы прогулка по озеру в духе английских королевских увеселений: духовая музыка, сопровождающая плавание на лодке, вызывает вполне отчётливую ассоциацию с концертами на воде, которые в Англии ввёл в моду Гендель.

Верейский не только потребитель искусства, но его тонкий ценитель и знаток. Искусство окружает его, прочно входит в его жизнь. Как мы уже видели, в своём имении он театрально воссоздаёт дух сентиментально-идиллической «заграницы». А его коллекция картин – это не случайное собрание, о чём свидетельствует хотя бы то, как комментирует их содержание князь: «Потом они занялись рассмотрением галерей картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кириловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинство и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением» [1, с. 209].

Но кого рассчитаны эти рассказы и комментарии? Понятно, что не на Троекурова, кругозор и интересы которого очевидны князю. Он ещё в Покровском составил своё мнение о них («Старинный сад с его стриженными липами, четверугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался...» [1, с. 207]) и продемонстрировал отношение к любимому детищу Троекурова – псарне – жестом («Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере, и спешил выдти вон, за-

жимая нос платком, опрысканным духами» [1, с. 207]). Троекуров ошибался, принимая *«tous les frais князя, как знаки уважения и желания ему угодить»* [1, с. 210]. Настоящий объект интереса Верейского – Марья Кириловна, именно её он стремится развлечь, заинтересовать. И добивается своей цели. Пушкин постоянно указывает на реакцию героини: в картинной галерее *«Марья Кириловна слушала его с удовольствием»* [1, с. 209]; за обедом *«не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого она видела только второй раз отроду»* [1, с. 209], а итоговое впечатление таково: *«Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейский радовался её восхищению...»* [1, с. 210].

В целом же истинный побудительный мотив к общению для Верейского – это не интерес к собеседнику, а нелюбовь к одиночеству. Общение для него – способ преодоления скуки, на что и указывает Пушкин: *«Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения, и на третий день по приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком»* [1, с. 207].

Вместе с тем Верейский твёрдо осуществляет в общении свои цели, именно он диктует собеседнику стиль и принципы коммуникации, управляет диалогической ситуацией. Так, например, он с самого начала нарушает правила гостеприимства, установленные Кирилой Петровичем: не восхищается псарней и садом, не остаётся ночевать, больше внимания уделяет Марье Кириловне, чем самому Троекурову. Очень изящно, артистично и даже театрализованно отказывается от прогулки верхом: *«...к<князь> извинился, указывая на свои бархатные сапоги – и шутя над своею подагрой – он предпочёл прогулку в линейке, с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою»* [1, с. 208].

Происходит это естественным образом, ведь социальное равенство давних знакомцев не позволяет Троекурову вести себя с князем так же, как с другими соседями – мелкими помещиками. Но не только княжеский статус, а ещё и характер Верейского тому причиной. Все, что князю неинтересно, не соответствует его пристрастиям, вкусам, получает вполне отчетливую, но корректную оценку. Он умело выстраивает дистанцию между собой и собеседником. Однако если что-то или кто-то вызывает его интерес, то князь, направляя на него всё свое обаяние, добивается ответного внимания. Его главное средство – создание атмосферы лёгкой светской беседы, непринуждённого разговора.

У Пушкина появляется фраза, которая рисует речевой портрет князя ёмко и полно: *«...неистоимые рассказы любезного говоруна»* [1, с. 209]. Эти рассказы не воспроизводятся, так как они были бы излишни, но появляются постоянные указания на органичность, увлекательность, комфортность создаваемой им коммуникативной атмосферы: *«Князь был оживлен её [Марьи Кириловны] присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами»; «Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека», «Разговор не прерывался...»* [1, с. 208]. Пушкин избирательно использует в таких эпизодах диалог, но насыщает повествование интонациями, словами Верейского, его жестами. При этом он обращает внимание читателя на детали, которые показывают, что лёгкость светской беседы – это лишь внешняя форма поведения Верейского в обществе. Во время прогулки, например, князь кажется полностью вовлечённым в общение с девушкой, но вдруг выясняется, что одновременно он пристально и заинтересованно осматривает окрестности. Так начинает проступать не только светская, салонная сторона его личности, но и деловая, прагматичная. Этот прагматичный Верейский и обретает «голос» – так в повествование включается диалог: *«...вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение, и ему ли оно принадлежит? – Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нем погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому. – Дубровскому, – повторил Верейский, – как, этому славному разбойнику? – Отцу его, – отвечал Троекуров, – да и отец-то был порядочный разбойник.*

– Куда же девался наш Ринальдо? жив ли он, схвачен ли он?

– И жив и на воле – и покамест у нас будут исправники за одно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

– Да, прошлого года он, кажется, что-то сжёг или разграбил. – Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороше с этим романтическим героем?

– Чего любопытно! – сказал Троекуров, – она знакома с ним – он целые три недели учил её музыке, да слава богу не взял ничего за уроки. – Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своём французе-учителе. Марья Ки-

риловна сидела как на иголках, Верейский слушал с глубоким вниманием, нашел всё это очень странным, и переменял разговор» [1, с. 208].

Как видим, задавая вопрос о погорелом строении, Верейский *вдруг* меняет установившийся ход общения. Вместе с тем на встречный вопрос о нападении Дубровского на Арбатова отвечает вскользь, как о чём-то несущественном, и снова пытается перевести разговор в игриво-изящное русло, чтобы вовлечь в диалог Марью Кириловну. Его реплика как бы исключает участие Троекурова в разговоре. Но, как видим, заданное князем направление реализуется не вполне, так как ему не удается развить романтическую тему и дальше повести разговор в русло игривой «болтовни». Почему? Верейский, сам того не подозревая, задевает «неудобную» для девушки тему – и тем самым «выключает» её из процесса общения. Но всё же получает ответ – и это ответ парадоксальный, приоткрывающий неожиданную сторону её жизненного опыта и вместе с тем снижающий игриво-романтический пафос светского разговора, придающий ему обыденно-бытовой колорит. Правда, ответит за Марью Кириловну и тем самым «заменит» её в диалоге отец. Факт важный, так как и дальше диалоги Верейского с Марьей Кириловной будут получать такое же развитие: в момент сватовства, например, за героиню отвечает отец и тем самым разрушает воссоздаваемый Верейским ритуал, лишает момент «красоты», театральности, поэтому снова не реализуется тот возможный – в данном случае высокий – посыл, который задаётся высокопарной репликой князя: *«Князь к ней подошёл, взял её руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.*

– Согласна, конечно, согласна, – сказал Кирилла Петрович. <...>

Маша стояла неподвижно, старый князь поцаловал её руку, вдруг слезы побежали по её бледному лицу. Князь слегка нахмурился» [1, с. 210].

Кирилла Петрович и во время прогулки, и в момент сватовства действует и отвечает Верейскому не в «тон», однако его реакции не разрушают общего замысла князя. Почему так происходит?

В общении сошлись две личности с несовпадающей тактикой ведения диалога. Одна из них – плоть от плоти русской провинциальной жизни, а другая – порождение столичного светского салона. Один привык к абсолютному подчинению собеседников. Он не встречает сопротивления, а потому не думает об этикете, о нормах приличия (мы уже стали свидетелями ряда сцен

такого рода: с Дубровским-отцом, с соседями-помещиками, с учителем-французом, когда, переводя, Марья Кириловна вынуждена «смягчать» речи отца, да и с самой Марьей Кириловной Троекуров общается подобным образом). Другой, напротив, блюдет внешнюю форму, следует этикету, приличиям. Один (Троекуров) открыто оглашает свои цели и желания. Другой (Верейский) не высказывает их явно. Троекуров открыт и при всём своём деспотизме простодушен (если уместно употребить данное определение), Другой скрытен, расчётлив, психологически изощрён.

Поведение Верейского в сложных ситуациях показывает, что он психологически точно понимает состояние собеседника, а потому находит такие слова и действует таким образом, что манипулирует им – и добивается СВОЕЙ цели, осуществляет СВОИ прихоти. Так выявляется такая черта его личности, как эгоизм. Уже в первом авторском комментарии есть указание на двойственность личности, несоответствие внешней вежливости, учтивости истинному характеру героя: *«Князю было около 50 лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал»* [1, с. 207]. И, по сути, перед читателем предстаёт равнодушный, развращённый самодур в духе Троекурова, только без открытых грубых внешних проявлений. Тем страшнее такой тип личности.

Трезвость, расчётливость, эгоизм князя, как было замечено, прикрываются изящно-утончённой оболочкой светского лоска, выдержки. Это качество в действии показано в ситуации сватовства и женитьбы. Замешательство Марьи Кириловны, её слезы при получении известия не ускользают от внимания Верейского, и Пушкин фиксирует: *«Князь слегка нахмурился»*. Что за этим? Сочувствие к Маше? Нет. События развиваются не по его сценарию. Он решил обладать Марьей Кириловной, и её чувства ему понятны, однако такое явное, неприкрытое выражение отношения к происходящему не в его правилах и не в его вкусе. И Верейский последовательно, твёрдо и без учёта чувств девушки выстраивает общение с ней. Вот ряд замечаний повествователя, связанных с этим этапом в общении Верейского и Марьи Кириловны: *«Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо.*

К<князь> о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием» [1, с. 213]. А вот его реакция на письмо героини: «...нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю» [1, с. 213]. За этим проступает трезвый расчёт человека, который должен подчинить себе ситуацию. И он добивается своей цели, выигрывает, так расставляя психологические ловушки, что в глазах невесты предстает сочувствующим ей, понимающим её состояние и положение. Он выслушивает её и словно бы проникается её горем [1], но вместе с тем организует параллельные действия: показывает письмо Троекурову, просит ускорить свадьбу – и всё это втайне от невесты. Этими поступками окончательно закрепляется та двойственность личности князя, которая уже была обозначена Пушкиным и в первом комментарии, и во время изображения поездки по окрестностям Покровского. Двойственность усиливается ещё и тем, как Верейский выстраивает диалоги с Марьей

Кириловной и Троекуровым. С ней князь нежен, учтив, больше слушает, чем говорит, – он последователен в своей роли влюблённого. С Троекуровым князь расчётливый и трезвый делец. И между двумя «Верейскими» не возникает конфликта.

Таким образом, в князе Верейском Пушкин изображает тот тип личности, у которого формы внешнего поведения не отражают истинного характера. Этот «зазор» выявляется через речевое поведение героя.

Примечания

1. «Князь ... пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо очень его опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела, и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирилы Петровича».

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 8 (1). М.: Воскресение, 1995. 496 с

PRINCE VEREYSKY AS A SPEECH TYPE (A.S. PUSHKIN'S NOVEL "DUBROVSKY")

I.S. Yuhnova

The image of prince Vereysky, the character of the unfinished novel «Dubrovsky» by A.S. Pushkin, is viewed through the problem of communication. Main peculiarities of his speech behavior are identified. It is shown which personality traits are displayed through his manner of speech. This approach helps to reconsider the existing interpretations of the novel.

Keywords: Pushkin, «Dubrovsky», Vereysky, dialogue, speech behavior, speech type.